

православной церкви» 1930–1931 гг. : они не только раскрывают особенности построения и управления децентрализованной к тому времени церковной организации (отражают религиозную повседневность служителей церкви и модели формирования общин), но и передают личностное восприятие взаимоотношений с властями православных, их ожидания (в том числе распространенные – эсхатологические) [2, с. 382–392].

В 1940-е гг. церковь вошла в особое положение, буквально в осколках своей институциональной структуры и почти без пастырей. Встретив потепление в отношениях с государством в 1943 г. она начала институциональное возрождение, сопровождавшееся сменой поколений и приходом в церковь советизированных пастырей и паствы. Тем интереснее взгляд на эти реалии последних из поколения дореволюционной церкви. Большинство живших в эту эпоху православных избрали для себя путь социального изоляционизма – ушли в содержательное исповедание, внутреннюю духовную жизнь с сопутствующим избеганием всего мирского, тем более политического. Таковы например записки и письма к духовным чадам игумена Никона (Воробьева) (1894–1963), которым чужды социальные реалии. Лишь редчайшие из дневников эпохи содержат социальный план. К числу таких относится и дневник рославльского священника Всеволода Корицкого, ушедшего из жизни 90-летним старцем в начале 1954 г. Этот дневник представляет собой записи последних двух лет жизни, когда пастыря одолевают болезни, он завершает свое настоятельство и активное служение, последние события которого отличаются и новыми трудностями во взаимоотношениях со светскими властями и определенным непониманием с духовными (к старцу не прислушиваются в определении преемника на приходе, а пенсию приходится испрашивать в долгой переписке с епископом и даже патриархией, тем временем группа прихожан храма, где много лет настоятельствовал о. Всеволод жалуется на него, когда по немощи он не может совершать все службы Великого поста и Пасхи 1953 г.). Конечно, такие дневниковые записи казуальны, но в значительной степени и непосредственно они отражают настроения времени, приоритеты прихожан новой эпохи и стиль руководства священноначалия.

Личные источники с непосредственностью и ясностью, вне привычных трактовок и схем, отражают изменения в церковной среде, а потому задача их поиска и публикации – ключевая в реализации социально-исторического подхода к изучению новейшей истории православия.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 550. Оп. 1. Д. 108.
2. Каиль, М. В. «Великий перелом» в судьбах православных российской провинции 1929–1931 гг. : судебные процессы и новая репрессивная практика / М. В. Каиль // 1929: «Великий перелом» и его последствия : материалы XII Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2020. – 504 с.
3. Каиль, М. В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М. В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.
4. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода // Известия ВЦИК. – 1927. – 18 августа.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 834. Оп. 4. Д. 636.
6. РГИА. – Ф. 834. Оп. 4. Д. 637.
7. Rogoznyy, P. G. Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920 / П. Г. Rogoznyy. – М. : Весь мир, 2018. – 304 с.
8. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост. М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.
9. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – 328 с.
10. Фриз, Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи : сборник статей / под ред. П. Rogoznyy. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. – 352 с.

Мясоедова С. Н.

**«ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ НИКИФОРА ЯКОВЛЕВА
В ОГРАБЛЕНИИ ГРАЖДАНИНА ИОСИФА РИММЕРА»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВИТЕБСКОГО ПОГРОМА 29 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА**

Одним из знаковых событий апреля 1918 г. в РСФСР стало повсеместное разоружение различных групп, именующих себя анархистами под предлогом того, что в стране произошел ряд вооруженных выступлений, сопровождавшихся насилием и грабежами. В операциях принимали участие отряды ВЧК, милиция, красноармейские части.

Самым цитируемым источником по истории выступления анархистов в Витебске является статья губернского военного комиссара Семена Николаевича Крылова «Военная работа», опубликованная в сборнике статей, воспоминаний и материалов «Красная быль. Большевики в Витебске» в 1923 г. В задачи С. Н. Крылова входило руководство операцией по ликвидации как выступления,

так и отряда витебских «анархистов», поэтому участников событий он делил на своих (военные части, выступившие против погрома) и чужих (погромщики, «уголовный элемент») [4].

Кроме того, о погроме 29 апреля 1918 г. в Витебске и его последствиях писали многие периодические издания того времени.

В Витебской ежедневной социалистической газете «Наша жизнь» (№№ 39, 40 от 1, 3 мая 1918 г.), почти полный комплект которой был выявлен В. А. Шишановым в Президентской библиотеке Республики Беларусь, Российской национальной библиотеке и Национальном архиве Республики Беларусь, авторы представляли сведения, полученные из официальных и частных источников в виде новостей, а также передавали атмосферу города тех дней [6; 7; 9].

Доступны для исследования сегодня и статьи, опубликованные в петроградском журнале «Еврейская неделя» [6].

В Государственном архиве Витебской области в фонде Витебского губернского революционного трибунала хранится «Дело по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера», где мы можем обнаружить новые, ранее неизвестные подробности витебского погрома 29 апреля 1918 г. [3].

Объединив полученные из этих источников сведения, можно не только представить картину, сложившуюся в Витебске в марте – мае 1918 г., но и хотя бы немного осветить вопросы деятельности отряда «анархистов» изнутри.

В начале марта 1918 г. в Витебске появилась своеобразная воинская часть, около ста человек преимущественно уголовников и матросов. Казарму и штаб они разместили в двухэтажном, частично трехэтажном здании гостиницы «Палас-Отель» [3, л. 57; 4] на Долгоруковской улице напротив вокзала. Гостиница состояла из 12 номеров, каждый номер которой – комната с кроватью и кушеткой [1]. «Анархисты» выставили в окнах и на крыше пулеметы, на балконе повесили черный флаг и заявили, что никакой власти в городе не признают. Вооруженные с ног до головы, обмотанные крест-накрест пулеметными лентами, с засунутыми за пояс финскими ножами, обвешанные гранатами и маузерами, они большими группами ходили по улицам, пугая жителей города [4]. Говорили, что военный отдел Витебского губиспокома выделил отряду 4 лошади, 2 повозки, 3 пулемета [3, л. 57].

В отряде состояло много случайных людей, среди них – шестнадцатилетний неграмотный бывший извозчик Никифор Яковлев. У молодого человека заболела лошадь, и он не мог больше работать. В Витебске как раз началось формирование отрядов Красной гвардии, однако на военную службу Н. Яковлева не взяли, т. к., с его слов, он не умел обращаться с винтовкой. 28 марта 1918 г. юноша получил временное свидетельство для свободного проживания во всех городах РСФСР сроком на 6 месяцев и записался в «анархисты», куда «приняли без знания военной дисциплины». Он не интересовался целями организации, вплоть до 29 апреля 1918 г. возил продукты из военного отдела Витебского губисполкома (согласно официальным данным на довольствие отряд не зачисляли), в свободное время немного обучался обращению с винтовкой. Юноша отмечал, что «в анархисты приходило записываться много евреев, но их не принимали» [3, л. 51, 57, 58].

В конце апреля в Витебске стали говорить о предстоящем погроме, власти ждали его к 1 мая [6; 7]. «Анархисты» же планировали выступить совместно с некоторыми частями витебского гарнизона, «уравнять буржуев» в воскресенье 28 апреля 1918 г. [3, л. 58].

Накануне военное руководство Витебской губернии устроило в частях митинги в попытке отговорить военных от выступления, что получилось, гарнизон на улицы не вышел [5].

В понедельник голоса членов организации разделились. Одни настаивали на немедленном начале погрома, другие говорили, что его вновь необходимо отложить, дожидаться выступления военных и присоединиться к ним.

29 апреля 1918 г. до 5 часов вечера Никифор Яковлев был у девушки, потом пошел в «Палас-Отель» и заступил на пост часовым вместе с П. Шариковым. В это время «анархисты» как раз обсуждали, следует ли начинать выступление, ходили мимо часовых то на улицу, то в здание [3, л. 57 – 57об].

Интересно, что в казарме «анархистов», как в гостинице, находились постояльцы. Восемнадцатилетняя барышня Казимира Бутунович, дворянка, неграмотная, приехала из Орши в Витебск, пришла в Палас-Отель, видела вооруженных людей на посту у двери, но в номер заселилась [3, л. 55об – 56].

Погром начался в 9.30 вечера. На улицах Вокзальной, Замковой, Смоленской и прилегающих к ним появились неизвестные. Они нагайками и штыками разгоняли прохожих, сбрасывали их с Двинского моста, отбирали бумажники, грабили магазины, театры, кинотеатры. «Ожидались исключительно еврейские погромы, но тот озверелый, антисемитский и черносотенный дух, который выявился в выступлении 29 апреля, превосходил всякие ожидания. Лозунг[и] «бей жидов» и «грабь евреев» был[и] единственной «идеяной» подкладкой «анархического» выступления 29 апреля» [6; 7].

Около 10 часов вечера Залман Сутянов, Неух Швайнштейн и Иосиф Риммер вышли из здания вокзала, чтобы купить продукты. К ним подошли двое неизвестных, спросили документы, И. Риммера ударили нагайкой, забрали у него бумажник под угрозой расстрела, З. Сутянова обыскали, но ничего не нашли, Н. Швайнштейн убежал. В одном из грабителей З. Сутянов узнал своего соседа Никифора Яковлева [3, л. 60].

В это же время на место погрома начали прибывать войска. «При виде войск грабители бросились врассыпную». Среди арестованных в этот вечер оказались Екимов Павел Веремеевич, Рабчевский Иван Францевич, Боренко Бронислав Константинович, Савельев Лаврентий Григорьевич [2].

Около 40 человек укрылись в гостинице, но к утру 30 апреля они сдались под угрозой расстрела гостиницы из орудий [8]. Н. Яковлева, по его словам, в 7 утра разбудили милиционеры в «Палас-Отеле», проверили документы, потребовали сдать оружие и отпустили домой. Там его и арестовали 30 апреля 1918 г., нашли пустые бланки с печатью «анархистов» [3, л. 57об – 60об].

30 апреля по всему городу шли обыски, облавы. Были арестованы, в том числе, Калеев Евгений Григорьевич, Симанкин Леонард Иванович, Бобров Никифор Титович, Рудзевич Станислав Казимирович, Коваленко Иван Васильевич, Бернадиг Марьян Антонович, Добженецкий Михаил Леонтьевич, Канцев Александр Адамович, Габрусев Степан Сергеевич, Гришко Казимир Фомич, Краучунос Иосиф Викентьевич, Фирсов Никанор Леонович [2], Балакирев и Поляков. У одного из грабителей в кармане нашли 19 пар часов [6; 7].

Разбирательство по «Делу по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера» длилось до 1919 г. 10 августа 1918 г. следственный юридический отдел при Витебском губернском революционном трибунале кроме принадлежности к группе «анархистов» не нашел в деле состава преступления (свидетели не явились в суд). Н. Яковлеву изменили меру пресечения на освобождение под подписку с обязательством явиться в трибунал по первому требованию. Однако 16 января 1919 г. в суд «обвиняемый Яковлев не явился и повестка ему не вручена за нерозысканием на указанном месте жительства». Оказалось, что на свободе бывший «анархист» попал в какую-то темную историю, подробности которой неизвестны и был расстрелян по постановлению коллегии Витебской губЧК [3, л. 39, 47об, 57об].

Таким образом, документы из «Дела по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера» можно рассматривать, с одной стороны, как частный случай, с другой стороны они добавляют множество мелких деталей в общую картину определенного исторического события.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 64. Оп. 1. Д. 49. Л. 47 об.
2. ГАВт. Ф. 103. Оп. 1. Д. 85а.
3. ГАВт. Ф. 200. Оп. 1. Д. 26.
4. ГАВт. Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 155. Л. 211 – 212.
5. Из жизни агитационно-вербовочного отдела Витебского губернского военного комиссариата // К оружию. – 1918. – 2 декабря. – С. 2.
6. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: отв. сост.: И.Э. Еленская [и др.]. М.: РОССПЭН, 2007. С. 539–541.
7. Наша жизнь. – 1918. – 1 мая.
8. Наша жизнь. – 1918. – 3 мая.
9. Почанин С.З. Историей обреченные / С. З. Почанин. — Минск: Беларусь, 1977. — 286 с. С. 214 – 216.
10. Шишанов, В. Несколько строк из жизни Марка Шагала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mchagall.ru/library/neskolko-strok-iz-zhizni-marka-shagala.html>. – Дата доступа: 01.03.2021.

Каплиев А. А.

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ БЕЛОРУССКОГО КРАСНОГО КРЕСТА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.
(К 100-ЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА)¹**

В сентябре 1921 г. было образовано Белорусское общество Красного Креста – одна из старейших и наиболее значимых благотворительных организаций в истории социальной работы и общественного участия на территории Беларуси. Однако круг основных источников – архивных материалов, по истории становления Красного Креста, особенно за период 1920-х гг., крайне ограничен, ввиду чего особенную ценность приобретают различные дополнительные виды источников, в том числе материалы периодической печати, издававшейся и распространявшейся Красным Крестом.

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (проект № Г20М-007 «Белорусское общество Красного Креста: становление и развитие»).